

И. ЭРЕНБУРГ

«Завсегда блюдолизы»

Завсегда блюдолизы,
Подпорится коими свет.

Революционная хрестоматия

В 1793 году следователь трибунала допрашивал поэта Жанвиля, арестованного за контрреволюцию:

— Гражданин Жанвиль, как могли вы заниматься прежними делами, воспевать луну и любовь, когда все переменялось?

— Что ж я должен был делать? — робко спросил поэт.

— Вы должны были прославлять революцию.

— О, гражданин следователь, если так, то ничего, ничего не изменилось! Ибо его величество, то есть Людовик Канет, тоже требовал, чтобы я его прославлял.

Эти слова Жанвиля, стоившие ему жизни, вспомнились мне, когда я просматривал новые сборники стихов, вышедшие в Петрограде. Я говорю не о жалких стихоплетах, нет, предо мной имена очень талантливых молодых поэтов: Маяковского, Клюева, Есенина и др. Это не лирическое опьянение, не священное безумие, и гимны коммуне не напоминают ни крика юродивого, ни пророческого обличения. Нет, в 1918 году, при «просвещенном абсолютизме» Луначарского и должном поощрении «чрезвычайки», воскресла придворная ода, полтора-два года дремавшая в хрестоматиях. Богоподобная Фелица дарила усадьбы, новые владельцы — классовый паек первого разряда и пятаковки*, но вранье одописцев от этого не убывает.

Хор дружен, и отсутствие изобретательности, заставляющее спешно перекраивать старые мундиры, покрывается трудолюбием:

* Бытовое название советских денег — от фамилии Г. Л. Пятакова, комиссара Банка в 1917—1918 годах.

Боже, Свободу храни —
 Красного Государя Коммуны,
 Дай ему долгие дни,
 И в венец лучезарные луны!

Н. Клюев

Славься, Третий Интернационал!

В. Каменский

Славься, сияй,
 Солнечная наша Коммуна!

В. Маяковский

Конечно, одними «славься» нельзя удовлетворить даже незыскательные вкусы «Красного Государя Коммуны». Надо воспеть мудрые законы, ратные подвиги, предать поруганию врагов, наконец, увенчать чело ореолом, если не святости, то, во всяком случае, непогрешимости.

Для восхваления «государя» пользуют Клюева — ему не привыкать. Оно, конечно, Вл<адимир> Ильич книжки о марксизме писал, но для беднейших пейзажей можно народный стиль подпустить. Кадить, так кадить! «Есть в Ленине керженский дух, игуменский окрик в декретах». «Лениным вихрь и гроза причислены к ангельским ликам». За государем — сановники, и поэт гуртом прославляет шумное племя комиссаров: «Слава красноармейцам и сермяжным советским властям». Конечно, Ленин в рясе игумена, а Троцкий в сермяге чувствуют себя несколько неловко, но перед фотографом для любимого народа они потерпят немного...

Декоративные села Екатерины научили Маяковского, и он в помирающей с голода коммуне описывает, как «дымятся фабрики, хлебятся поля». В. Каменский проще и откровенней. Он, наслаждаясь возможностями порезвиться, признается: «Разлилась наша жизнь — просто-чудо-простецкая», и приглашает: «Сарынь на кичку, ядреный лапоть!» и «Вообще надо круто раздолиться!».

Насчет ратных подвигов дело обстоит слабо, и Маяковский скромно, хоть и с достоинством (после Брестского мира) заявляет: «России не быть под Антантой». Зато нет счета победам, одержанным чрезвычайками. Маяковский любит револьвер: «Ваше слово, товарищ Маузер!» Клюев предпочитает оптовый способ: «Пулемет, конец слова — мед». Враги всячески поносятся: «Племя мокриц и болотных улиток, червивая падаль». Им грозят:

«Ваши черные белогвардейцы умрут за оплевание красного бога». Затем венчают палачей. У Маяковского особенное пристрастие к матросу, который хвастается: «Потрудился в октябре я, всех буржуев брея». Ключеву старых заслуг мало: «Хвала пулемету, не сытому кровью битюжьей породы, батистовых туш!» О, во сколько раз понятней и лучше жалкий палач изысканного поэта, который стоит сзади и в рифмованных строчках кричит: «Еще! Еще!»

Наконец, последняя стадия — пояснение, во имя чего же «трудятся» матросы и прочие герои. Их сзывает новый апостол: «Ко мне — кто всадил спокойно нож и пошел от вражьего тела с песней! Иди, прелюбодей!» Все это милое общество, недовольное раем, где помещаются святые, Жан-Жак Руссо (?) и «декоративный Толстой», жаждет «фешенебельных гостиниц» и «ананасов». Ясно и просто. Насчет ананасов, кажется, в коммуне слабо, зато реквизированных особняков хватит хоть на тысячу убийц, прелюбодеев и одописцев.

О, не нужно чрезмерного глубокомыслия! Зачем, припоминая старые стихи Маяковского или Ключева, прославлявших войну до победного конца, ломать голову над душевными переломами. В их «хрестоматии» есть более убедительное и очевидное объявление: «Завсегда блюдолизы, подпорится коими свет». Они твердо верят, что, как земля держится на китах, правительство покоится на сообразительных поэтах. Меняются гербы на блюдах и только. «Боже, царя храни!», «Боже, храни красного государя коммуны!», «Славься! Славься!» — главное, «Славься!», остальное приложится.

